

Интеллигентным притвориться нельзя¹

Д. Лихачев. Когда я ехал в Москву, я думал, о чем говорить на телевидении? И в конце концов решил говорить о том, что мне кажется сейчас самым важным. Самое важное сейчас в нашей жизни – это колоссальное развитие науки. Может быть, вы моложе меня и не были свидетелями того, как произошел в нашей жизни – не только в Советском Союзе, но и в мире – этот подъем научных интересов, роли науки в нашей общественной, природной, какой угодно жизни.

В свое время в Петрограде я наблюдал за жизнью Академии наук. Академия наук была совсем маленькая, в сотню раз меньше, чем сейчас. Транспортные средства – одна лошадь с коляской. Она попеременно возила президента, Александра Петровича Карпинского, или Николая Яковлевича Марра, когда Карпинский не выезжал. Вот и вся транспортная система... Жили в одном доме. Дом сейчас этот называют «Индийская гробница», потому что он весь усыпан мемориальными досками. В два этажа эти доски. А в самом помещении Академии наук была квартира академика Шахматова, в самом главном здании Академии наук.

Как велась работа? Скажем, «Известия Отделения русского языка и словесности» («ИОРЯС») известны во всем мире, это был один из лучших наших научных журналов. И в Федеративной Республике Германия он весь переиздан. Как этот журнал издавался?

Шахматов получал статьи, печатал их или отказывался печатать. Был у него один ученый-корректор. Директора издательства не было, был управляющий издательством, который обязан был подчиняться желаниям академика и его указаниям.

Ученый-корректор собирал эти статьи с подписью Шахматова, а может быть, даже и без подписи Шахматова и складывал из них журнал. Тот или иной номер. И отправлял в типографию. Технических редакторов тоже не было. И вместо технического редактора хорошие наборщики оформляли и набирали все материалы.

Когда мне в молодости потребовалась какая-то помощь Академии наук, а я был тогда корректором в издательстве Академии наук, мне сказали, что нужно пойти к Александру Петровичу Карпинскому на прием и он поможет...

На какой прием? Я просто пошел на квартиру. Мне сказали: будет дочь, Толмачева-Карпинская, она и иностранный отдел вела, и была управляющей делами. У нее была машинка «Ремингтон», и все она делала сама. Только, мне сказали, когда придете, поцелуйте ей руку обязательно. Я пришел, поцеловал руку и попросил о помощи.

---

¹ В этом мое мнение совпадает с точкой зрения, высказанной когда-то А. Довженко

Она сказала: «Хорошо! Александр Петрович вам поможет». Села за машинку и напечатала какую-то бумагу. Потом пошла в соседнюю комнату, где находился Александр Петрович. Он был уже сильно глух, и я весь разговор слышал. «Пришел молодой человек. Приятный, приятный! Воспитанный, воспитанный! – кричит она ему.– Надо бумагу подписать!» Он подписывает бумагу, я получаю ее и читаю наркомюсту, самому наркому юстиции. И все – помогло.

Вот такие были патриархальные отношения. Но само собой разумеется, что в современной жизни такого рода отношений быть уже не может. Потому, что Академия наук – это колоссальное заведение, и теперь мне, академику, гораздо труднее пройти к президенту, чем в свое время корректору – к президенту Карпинскому. Колоссальная разница между наукой в прошлом и наукой в настоящем, в их влиянии на жизнь, на судьбу нашей планеты.

Вопрос из зала. Почему вы выбрали сферой своих исследований древнерусскую литературу?

Д. Лихачев. Видите ли, когда я пришел в университет в двадцать третьем году, древнерусская литература изучалась книжно. И для очень узкого круга специалистов. Как книжность, не как искусство. А я поступил на западноевропейское отделение и занимался романо-германской литературой. Моими учителями были главным образом Виктор Максимович Жирмунский, Владимир Карлович Мюллер, шекспировед, Владимир Федорович Шишмарев и некоторые другие. Одновременно я слушал лекции по древнерусской литературе. И мне было очень досадно, что западноевропейское средневековье изучается более передовыми литературоведческими методами, чем древнерусская литература.

И я понял, между прочим, что сделать для науки больше всего я смогу именно по русской тематике, потому что нужно обращаться к рукописям. Западные литературы как бы ухожены, обласканы учеными, а древнерусская литература оставалась на уровне ее книжного изучения. Поэтому я решил связать себя с древнерусской литературой. И вот еще почему: не только из патриотических соображений, из соображений научной перспективности, но еще и потому, что древнерусская литература имеет очень много общего с другими литературами феодального периода, развитого феодализма. И понимание древнерусской литературы важно для того, чтобы понимать европейские, средневековые литературы, литературы и азиатские, и африканские и так далее и так далее. Много общего.

Кроме того, человек должен всегда стремиться расширить свой эстетический кругозор. И расширение в сторону древнерусской литературы очень много дает и для

понимания первых семи веков русской культуры, и для понимания XIX и XX веков русской литературы, и для понимания других культур и других народов.

Это необходимое условие для русского студента – заняться тем, чем до него не занимались в литературоведческом плане. Я ведь пришел в университет как раз в ту пору расцвета литературоведения, в пору различных литературоведческих споров, главным образом между представителями академической, традиционной науки литературоведения и наступавшими тогда формалистами. Формалисты тогда наступали и отступали от своих позиций под влиянием этих публичных споров, которые собирали людей в большие помещения, где выступали такие мастера споров, как Борис Викторович Томашевский, Борис Михайлович Эйхенбаум, Виктор Борисович Шкловский и многие другие. Формализм формировался в публичных спорах...

Вопрос из зала. Расскажите, кто были ваши родители. Поделитесь с нами воспоминаниями о вашем детстве.

Д. Лихачев. Хорошо. Спасибо за этот вопрос. Мои предки по линии матери – старообрядцы, купцы-старообрядцы, давно поселившиеся в Петербурге. Но мать уже была единоверкой и поэтому от старообрядчества отошла, и я в детстве этого старообрядческого гнета семейного не ощущал. А отец был из семьи почетных потомственных граждан Петербурга, но не купеческого сословия, а по линии ремесленной управы. Там со времен Анны Ивановны были мастерские золотошвейные, которые принадлежали Лихачевым. Но отец очень рано ушел из дома, ушел от этой гнетущей купеческой обстановки, прямо по Островскому.

Я очень хорошо помню эту тяжелую обстановку. Он ушел, стал учиться в реальном училище, не захотел учиться в коммерческом. Он захотел стать инженером. Стал инженером-электриком, потом его двоюродные братья стали инженерами-электриками, и вся наша семья состояла в общем из инженеров-электриков. В том числе мой старший брат, он и сейчас жив, инженер-электрик, и мой умерший младший брат – инженер-электрик. И когда я пошел по гуманитарной линии, то это вызвало очень неприятную реакцию у моего отца, он очень обиделся на меня, что я захотел заниматься гуманитарными науками.

Жили мы летом всегда под Петербургом, в Куоккале. Это было место, где селилась мало зарабатывающая интеллигенция. Центрами интеллектуального притяжения были Репин, Чуковский, семья Анненковых, Пуни и так далее. Там жил и Маяковский, приезжал Мейерхольд, он жил у Анненковых. Это был своеобразный интеллектуальный центр, где начинались многие эксперименты в области искусства: театрального, живописного, что всегда поощрял Репин... Мне очень повезло в жизни, что я оказался в

этой среде, в куоккальской среде, еще ребенком. Потом я заканчивал Ленинградский университет и вообще всю жизнь прожил в Ленинграде и сейчас живу в Ленинграде.

Что еще могу сказать? Кое-что о формировании моих научных интересов есть в моей книжке «Прошлое – будущему». Что вас еще интересует?

Вопрос из зала. Какая книга произвела на вас самое большое впечатление в детские годы?

Д. Лихачев. «На суше и на море». Знаете, это был такой сборник – хрестоматия путешествий по разным странам мира. Там были и статьи об айсбергах, и статьи о каких-то животных экзотических стран. Мне это издание очень нравилось, тем более что иллюстрировано оно было прекрасно, красочными рисунками, и красочная была обложка. И я помню, что родители очень гордились многосторонностью моих познаний, а они все были из одной книжки, которую я очень любил, – «На суше и на море».

Я жалею, что сейчас не издаются такие книги. Все книги для детей издаются как-то очень целенаправленно для знакомства с филологией, для знакомства с геологией. А вот такой книжки, которая не являлась бы энциклопедией и вместе с тем рассказывала бы о многих вещах, которые интересны, просто интересны детям, – такой книжки нет. Это нужно.

Вопрос из зала. Можно вам задать вопрос литературоведческого характера? Известно, что вы уже много лет возглавляете творческий коллектив, который занимается выпуском серии «Литературные памятники». Хотелось бы услышать, что вы вкладываете лично в этот термин «литературные памятники», что в ближайшее время выйдет в этой серии, что бы вы лично хотели издать в будущем?

Д. Лихачев. Ну, что самое главное в этой серии для нас, членов редколлегии? Нужно ввести в круг чтения все народы, все континенты, познакомить народы друг с другом на высшем уровне, на уровне высшей культуры, литературной культуры. Это в какой-то степени форма научной борьбы с национализмом, с разъединенностью народов. Надо, чтобы культурные и литературные достижения всех народов, всего мира были объединены и вошли в наш обиход, в культурный обиход.

Идея создания серии «Литературные памятники» принадлежала Сергею Ивановичу Вавилову, замечательному президенту Академии наук, который был удивительно разносторонним человеком в своих интересах и придавал большое значение музеям, гуманитарным наукам, издательскому делу. И в частности, ему принадлежала идея создания серии литературных памятников вне всяких институтов И в первое время это делалось по-домашнему. Он поручил это дело Моисею Израильевичу Радовскому. Радовский вскоре умер, и потому эту серию возглавили сперва Волгин, потом Николай

Иосифович Конрад, который тоже вложил часть своих идей в это издание. Замечательная книга у него есть – «Запад и Восток», которая охватывает культуры всех стран Запада и Востока. Он был, мне кажется, лучшим руководителем этой серии, во всяком случае лучше, чем я, поскольку я специалист по древнерусской литературе.

Вопрос из зала. Можно вопрос, больше относящийся к литературе? 800 лет назад было написано «Слово о полку Игореве». Как, вы думаете, будет смотреться развитие советской литературы через 800 лет? По какому она шла пути? И к этому же примыкает вопрос более конкретный: согласны ли вы с мнением, которое высказывается в последнее время: что уровень советской литературы стремительно падает?

Д. Лихачев. Нет, не согласен. Я думаю, что нельзя даже и сравнивать таким образом. «Слово о полку Игореве» – один маленький памятник. А как мы будем смотреть через 800 лет на советскую литературу? Это неправомерное сопоставление, это вещи совершенно разные.

Вся литература наша – и один памятник – через 800 лет! Кроме того, ведь происходит развитие. Сейчас литература совершенно другого характера, чем она была в XII веке, потому что у нас есть развлекательная литература, есть несерьезная литература – детективы и прочее – и есть очень хорошие крупные писатели на уровне XIX века. Не буду их называть. Вы знаете, есть прекрасные писатели, только их надо заметить. Ведь в свое время тоже многих писателей XIX века не замечали.

Но должно быть общественное мнение по поводу литературы и по поводу отдельных писателей. Нужно самим различать писателей настоящих, писателей по призванию и писателей зарабатывающих, развлекающих, служащих Союза писателей.

Вот такой ширпотреб у нас действительно развился очень сильно, и его, естественно, в наш век значительно больше, чем могло бы его быть в XII веке. В XII веке, думаю, его не было

Вопрос из зала. Как вы оцениваете место древнерусской литературы в современной школьной программе?

Д. Лихачев. По-моему, там никакого места нет. Там есть «Слово о полку Игореве», и все.

Реплика из зала. Вот именно, вот именно, я и хочу сказать, не стоит ли приобщать к ней в старших классах более глубоко и серьезно? И сделать это нужно даже в целях патриотического воспитания, которое сейчас очень ослабло. Вот у меня хранятся учебники Мариинской женской гимназии Они пострадали в блокаду в Ленинграде, но они все равно хранятся. И я удивляюсь почему к ним не обратятся сейчас и не возьмут то хорошее, что там есть?

Д. Лихачев. Вы знаете, в старой гимназии древнерусской литературе уделяли больше места, больше внимания, чем на современных филологических факультетах педагогических институтов.

Реплика из зала. Разрешите вернуться к преподаванию литературы в школе? Учителя и методисты здравомыслящие и, наконец, все те, кому дорога наша культура, понимают, что преподавание литературы в школе – это начало эстетического, нравственного и любого воспитания. Один из ваших коллег, профессор Прокофьев, как-то сказал, что он всегда помнит, что войну Отечественную выиграли люди, которые учились в школе по старым программам, в которых литературе отводилось достаточное количество часов. Сейчас это количество часов резко упало и еще более падает. Предлагают изучать не художественные произведения в целом, а только отрывки из них. Хотелось бы узнать ваше мнение по поводу этого предложения.

Д. Лихачев. Ну, это изучение по отрывкам – совершенно невозможная вещь. Это воспитывает невнимательное отношение к художественному произведению. Когда-то в университете Лев Владимирович Щерба рекомендовал преподавателям и сам проводил со студентами занятия так называемого медленного чтения, то есть углубленного изучения одного произведения с медленным чтением и комментированием: драматическим, бытовым, культурно-бытовым и так далее. Вот так мы занимались, скажем, «Медным всадником» и разобрали за год только несколько строк. Такого рода занятия учили пониманию литературы, учили любви к литературе, читать литературные произведения и понимать эти литературные произведения. А когда памятник дается в каких-то отрывках, о каком понимании может идти речь?

Дело не в том, чтобы учащиеся знали даты рождения писателей или могли перечислить их главные произведения, а в том, чтобы они любили настоящую литературу, настоящую художественную литературу, умели понимать ее. Вот это должно быть заложено в программах. А для этого программы должны быть гибкими, потому что педагог должен иметь возможность больше останавливаться на том писателе, которого он любит и сам понимает.

Записка. Нужно ли гуманитарное образование физикам, математикам?

Д. Лихачев. Дело в том, что научный труд требует общей интеллигентности человека. И эта общая интеллигентность человека дается главным образом гуманитарными науками. Почему? Потому что искусство, искусство слова, живописи, какое угодно искусство основано на интуиции и воспитывает интуицию, а без интуиции не могут обойтись и естественные науки, и математика. Интуиция – в основе всего, это то, что не может быть заменено никакой компьютерной машиной, а художественное

творчество больше всего воспитывает эту интуицию.

Ведь недаром, скажем, Эйнштейн вдохновлялся творчеством Достоевского. Мне приходилось разговаривать с Романом Осиповичем Якобсоном, он говорил, что перед написанием какой-либо филологической работы он любил рассматривать живопись Ларионова или Гончаровой. У него были определенные интересы в живописи. К «своим» художникам он относился как к вдохновляющему началу, хотя работал совсем в другой области.

Математики не случайно занимаются музыкой, любят музыку. Даже возьмем такой пример: талант человека в одной области сказывается и в другой. Скажем, Пушкин – великолепный художник. Лермонтов – тоже художник. Достоевский, как сейчас выясняется, был замечательным портретистом. Таким образом, гуманитарные науки очень важны. То, что в школе на них уменьшают часы, это плохо. Гуманитарные науки должны прежде всего воспитывать понимание искусства, понимание истории и учить нравственности.

Реплика из зала. Дмитрий Сергеевич, вы знаете, что Библиотека имени Ленина – это конгломерат одновременно архитектурных памятников и народного достояния в виде библиографических редкостей самого разного вида. Кроме всего прочего, это огромный фонд нашей культурной жизни. И вот сейчас сложилось такое положение, что библиотека разрушается. Интенсивно разрушается дом Пашкова, баженовский – уникальное творение русской архитектуры. Причиной тому является строительство метрополитена на территории Библиотеки имени Ленина. Был отведен участок под строительство с нарушением закона об охране и использовании памятников истории культуры. У меня есть специальный иллюстративный материал, который показывает, в каком состоянии сейчас все это находится...

Д. Лихачев. Я считаю так: библиотеки – это основное в культуре страны. И от библиотек, от их доступности, от доступности сокровищ, которые в них хранятся, зависит культура страны. Может не быть университетов, никакого высшего образования, но если есть хорошие библиотеки, все можно восстановить. Если библиотек не будет, никакое высшее образование ничего не даст.

Библиотеки – это центр культуры, самый основной наш культурный фонд, поэтому относиться к библиотекам нужно с особенной тщательностью. Во всех смыслах, не только в охранении их зданий и постройке новых, но и в том, чтобы не уничтожались старые, якобы ненужные книги, чтобы в рукописное отделение был большой доступ тем, кто может заниматься рукописями и должен заниматься ими. От этого зависит культура страны, от этого зависит культура наших академических изданий классиков,

«Литературного наследства», серии «Памятники культуры» Новые открытия и так далее. От этого зависит все, поэтому и библиотеки в ряду культурных ценностей нашей страны должны стоять на самом высоком месте.

Гласность в делах культуры – необходимейшая вещь, совершенно необходимейшая. Архитектура Москвы не принадлежит архитектору, она принадлежит всему народу, а кажется, что только градостроительные организации могут ею распоряжаться. Так же как архитектура Ленинграда и всех других городов. Исторические города принадлежат народу, и даже не одному поколению, которое сейчас в них живет. Мы всегда должны думать и о будущих поколениях. Можно ввести такой термин: эксплуатировать будущее. Это значит – получать доход за счет будущих поколений. Так обстоит дело в разных областях, не только в области культуры. А истощать природные запасы, вырубать леса? Допустим, это может принести экономический эффект в данном году, но все это идет за счет будущих поколений.

Вопрос из зала. Я хотел бы обратиться к вам как к члену президиума Всероссийского общества охраны памятников. Я москвич. Есть замечательный куст памятников истории культуры. Вы писали об этом: Шахматове блоковское. Там же рядом мало кому известные Бабайки, где жил и работал изобретатель Попов, там же усадьба и могила Татищева – все это в одном районе. Это изумительный куст, и он в полном разорении сейчас находится. Неоднократно об этом писали и вы, и многие другие авторы. И вот общество постановило, что Московской области дела обстоят очень плохо. Постановило, и все, а что дальше делать, никто не знает. Вот к вам как к члену президиума этого общества, может не очень дееспособного, я обращаю этот вопрос: что же дальше делать?

Д. Лихачев. Я принимаю этот упрек и в свой адрес. В деле охраны наших памятников и в работе общества нужны какие-то кардинальные реорганизации. Во-первых, нельзя смотреть на общество и на дело защиты памятников как на дело непрестижное, как на дело второго сорта, куда отправляют работать людей, не справившихся с какой-то другой работой, основной, более важной в государственном плане. Напротив – самое важное для нас сохранить культурные памятники.

Подумайте, для чего мы вообще живем? Для чего существует научно-технический прогресс? Для роста культуры, для роста творчества. А для этого нужна память, не отдельные даже памятники. Нужна культурная среда, для того чтобы в этой культурной среде выросло творчество будущего, культурное творчество будущего...

Ведь вы обратите внимание на своеобразную диалектику в жизни. Где меньше всего памяти? В физических законах. Если я уроню вот эти все записки, они все

рассыпятся, они не будут помнить о своем состоянии в моих руках. Памяти нет у бумажки. Есть память в том, что здесь написано, но в бумаге самой памяти нет.

В биологии – память генетическая, там уже поразительная память. У человека память существует в еще большей степени. И чем выше форма жизни, тем большую роль играет память и тем она более организованная. Вы сами можете продолжить этот ряд. Поэтому вопрос об охране памятников в нашем государстве должен быть на первом месте, иначе нам вообще и не стоит существовать. Подъем экономический очень важен, но опять-таки важен для того, чтобы будущие поколения и мы сами могли лучше работать, творить, развивать культурное творчество.

Реплика мальчика. Вы говорили о разрушении памятников. Но ведь не все памятники разрушаются кем-нибудь, на многие просто не обращают внимания. В Серпухове есть прекрасный монастырь. И если он разрушится, никто не будет ответствен за него. Потому что его никто не сносил – он сам разрушился. Вот дом князей Волконских. Его хотят сносить, но местные жители настаивают на музее, в результате что-то среднее получается, в результате он просто будет разрушаться сам собой...

Д. Лихачев. Вы сами из Серпухова?

Мальчик. Нет, я не из Серпухова, я был там дважды.

Д. Лихачев. Ну как приятно. Как приятно, что есть люди молодые, которые вот так мыслят. Это замечательно. Это замечательно, и в этом отношении я оптимист, потому что я помню мальчиков своего времени, 20-х годов. Они об этом не думали, они думали о другом, об очень важном, но о памятниках не думали. Казалось, что все нужно разрушить и после этого построить новое...

Записка. Что вы можете сказать об этике ученого в современной жизни?

Д. Лихачев. Это очень важный вопрос. Если наука занимает в нашей жизни такое колоссальное место и если она так усложнилась, то, естественно, встают вопросы этические. Это область, которая требует каких-то новых, неизведанных ранее моральных норм.

Этика научной работы, этика ученого – это вопрос первостепеннейшей важности. По этому поводу еще в семьдесят третьем году академик Леонид Иванович Седов писал в своей книге. В ней есть заключительная глава об этике ученых, об этике научной работы. И сейчас мне бы хотелось привести конкретный пример значения этики в научной работе, в организации научной работы, в продвижении научных проектов в жизни.

Пример такой. Недавно президиум Академии наук собрал совещание по вопросам о повороте части стока северных рек на юг. На совещании было около 60–70 человек. Состав приглашенных был тенденциозен, а это уже первое нарушение этических норм.

Если собирается совещание, то вопрос должен быть подготовлен соответствующим образом и совещание тоже должно быть подготовленным. Ведь речь идет о судьбе множества северных поселков, вообще о судьбе Русского Севера. Но ни археологи не были приглашены, ни искусствоведы, ни историки, ни фольклористы. Никто из представителей гуманитарных наук, защищающих интересы культуры, не был приглашен на это совещание. Стало быть, это первое нарушение, и это нарушение этических норм. Кроме того, не было объявлено, а зачем вообще этот поворот рек нужен.

Повышение уровня Каспия? Но Каспий уже и так повысил свой уровень за последние годы, и дальше его повышать не следует. Повышение превысило оптимальные размеры, и заливаются те территории, на которых уже были построены санатории на берегу моря. Значит, повышать еще уровень Каспия и для этого жертвовать Русским Севером не имеет никакого смысла. А это все ведь вопросы этики. Предлагалось обсудить первый этап переброски рек. Первый этап.

Ну скажите, пожалуйста, возможно ли так, чтобы в архитектуре обсуждался проект первого этажа здания и не говорилось о том, сколько еще будет этажей в этом здании и какие они будут? Это же невозможные вещи. Предлагалось разрешить первый проект, причем без голосования, разрешить этот первый этап, причем в него входила переброска около шести кубических километров воды в год с севера на юг.

Кроме того, не был обсужден вопрос о том, что при этом погибнет, о том, что заливаются город Тотьма, подмывается Каргополь... Мне кажется, что всякие большие проекты требуют каких-то очень глубоких представлений о том, каким способом они могут обсуждаться. Могут ли, например, исторические памятники, культурные памятники становиться жертвой интернационального долга русского народа? Может ли ныне существующее население России распорядиться своими памятниками, лишить свое потомство, будущее поколение этих памятников? Морально это или не морально? Вообще, интернациональный долг памятниками может выплачиваться или не может выплачиваться? Почему население русского Севера, жившее там с XII века, поразительное по своим качествам, в том числе и моральным, по трудовым традициям, традициям фольклорным, традициям письменности, должно отказываться от своих памятников, от своих трудовых традиций, лишаться своих мест, для того чтобы перебросить воду на юг? Как видите, вопросы колоссальные! Ведь можно привести очень много примеров решения таких же вопросов, когда легкомыслие и как бы вам сказать, недостаточная ответственность за свои действия ученых могут привести к катастрофическим последствиям для целых районов страны, для культуры. И если правда, что третья очередь переброски вод затронет Печору, то, значит, будет решена судьба и народа Коми – одного

из самых интересных и культурных народов нашего Русского Севера, за который великий русский народ несет моральную ответственность. Я приблизительно очертил то положение, которое меня чрезвычайно волнует, которое я считаю сейчас самым главным вопросом научной морали, научной этики

Вопрос из зала. Нам стало известно, что на культурном форуме в Будапеште вы предложили создать фонд и центр малых народов. Можно ли сказать несколько слов поподробнее об этом вашем предложении, очень важном, наверное, для всего человечества?

Д. Лихачев. Видите ли, на культурном форуме я был всего восемь дней, поэтому мне не удалось проследить, насколько мое предложение включено в общие предложения форума.

Но речь идет о том, что малые народы постепенно исчезают с земного шара, поглощаются крупными народами. Причем формы этого поглощения самые разнообразные.

Некоторые народы просто исчезают, они начинают говорить на языках, более выгодных для них в жизненном плане. И поэтому забывают даже о своей принадлежности к определенному народу, исчезают полностью. Другие народы захватываются, скажем, репертуаром театров, кино, телевидением крупных народов. И поэтому уменьшается разнообразие человеческого мира, а разнообразие – это ведь своеобразный культурный генофонд. Оно уменьшается. И с этим поделать что-нибудь очень трудно.

Одна американская фольклористка предложила мне ряд книг об индейцах, о резервации индейцев. Но мы свои народы не можем заключать в резервации. Они должны жить. Они должны пользоваться благами жизни, получать высшее образование. Но на своем языке они получить его не могут. Поэтому мы должны примириться в какой-то мере с тем, что малые народы, которые насчитывают по 600–800, по тысяче человек, рано или поздно исчезнут. Но нужно успеть записать их язык, их фольклор, создать какие-то собрания, музеи. Необходимо продлить их сознание принадлежности к своей народности.

Записка. Не расскажете ли вы о положительном примере в деле охраны памятников истории культуры?

Д. Лихачев. О, такой пример у меня как раз есть, и он совсем свежий. В Пензенском обкоме партии вторым секретарем работает замечательный человек Мясников Георг Васильевич.² Он пишет книги, он сам гид, когда приезжают к нему гости.

---

² Сейчас Г. В. Мясников – заместитель председателя правления Советского фонда культуры.– Прим. ред.

Он знает Пензу, окрестности Пензы великолепнейшим образом. Это удивительный человек. И не одну книгу он написал о Пензе и издал по своей области. Сейчас в издательстве «Плакат» вышла еще одна его книга, я только что ее получил. Эта книга тоже замечательная. И это не только прекрасодушное восхищение перед красотой, перед ценностями своей области.

Деятельность таких людей имеет не только нравственно-воспитательный, но и экономический эффект. Почему? Потому что люди начинают любить свой край, свою область, свой город, свое село. Там образцовый порядок с памятниками культуры. И отъезд из этой области прекратился. Вы понимаете, это очень трудно учитываемый эффект, но эффект совершенно определенный, потому что нравственная оседлость и оседлость физическая в нашем обществе обязательно нужны. Нужно жить в своем городе. Нужно работать в одном учреждении, по возможности всю жизнь, если это удастся. Оседлость должна быть во всех наших взглядах. Нельзя и взгляды наши менять. Нужны привязанности в нашей жизни. Эти привязанности играют колоссальную роль.

Вопрос из зала. Не кажется ли вам, что мы забываем еще вот о чем существует закон об охране памятников. Мне кажется, что ученым надо этот закон всегда иметь в виду. Ведь мы же бережем книги, картины, мы их реставрируем, и обидно становится, когда мы делаем маленькую часть дела, а рядом разрушаются старинные усадьбы, церкви. Они на глазах у начальства, у руководства превращаются в прах.

И пора, наверное, нам подумать о том, чтобы этот закон был не только на бумаге, иначе мы действительно останемся без прошлого.

Д. Лихачев. Да, совершенно верно. Закон замечательный. Ведь вопрос об охране памятников вписан в Конституцию нашей страны. Но я не знаю ни одного случая, когда разрушитель или человек, отдавший приказание о том, чтобы тот или иной памятник, уже занесенный в список охраняемых государством, был уничтожен, привлекался к юридической ответственности.

Думаю, этот вопрос нужно обращать не только к ученым, а к юристам, к нашим судебным органам. Почему же люди, дающие такое приказание, считают возможным для себя распоряжаться народным достоянием? К закону нужны еще так называемые подзаконные статьи, устанавливающие род наказаний за каждый вид нарушения закона. Их нет.

Вот если бы их привлекли к юридической ответственности, как, скажем, привлекли бы к юридической ответственности за кражу из музея одной только акварели какой-нибудь, тогда бы у нас сразу по всей стране прекратились эти поступки и распоряжения, главным образом распоряжения...

Вопрос из зала. Современный интеллигентный человек. Что вы вкладываете в это понятие?

Д. Лихачев. Мне очень часто задают вопрос об интеллигентности. И каждый раз я отвечаю по-другому, потому что очень трудно высказать свою мысль до конца. Это очень трудное понятие. Ведь обратите внимание на следующую вещь. Кто-то мне об этом сказал, не помню кто, совсем недавно. Скупой может притвориться щедрым, правда? Злой человек может притвориться добрым. Лысец может преподнести свою лесть под флагом правдивости и откровенности, «честно». Эта тема обыграна в пьесах Шварца очень хорошо. Но притвориться интеллигентным человеком нельзя. Невозможно. Вот, между прочим, почему интеллигентность вызывает такую злобу в неинтеллигентных людях.

Вопрос из зала. А что значит, на ваш взгляд, жить сообразно своему положению, и как научиться человеку быть счастливым?

Д. Лихачев. Ну, это, по-моему, закон Паркинсона, когда человек достигает уровня своей некомпетентности. Так вот, не надо достигать уровня своей некомпетентности. То есть нужно жить сообразно своим способностям, сообразно своему уровню культурного развития, сообразно своим знаниям, сообразно своим способностям в работе, а не пытаться занять место, которое вам не принадлежит. Понимаете? Иногда очень трудно человеку осознать свой уровень, но это нужно сделать, потому что ведь в каждом положении и на каждой работе, на каждом уровне общественного положения можно быть полезным и находить удовлетворение в этом.

Я не знаю такой профессии, которая не могла бы быть в каком-то отношении полезной, где бы нельзя было бы проявить человечность, где нельзя было бы работать чуть лучше, чем другие. Это очень важный принцип: надо работать чуть лучше в своей области, чем другие. Тогда будешь получать удовлетворение.

Записка. Вы писали «Заметки о русском», но какая все-таки главная черта русскости? Не очень ли вы сентиментально описываете все русское?

Д. Лихачев. Главную черту в русском характере, мне кажется, определить нельзя. Для разрешения вопроса русскости без Пушкина обойтись нельзя. Правда? И без Достоевского тоже. Без Некрасова тоже нельзя обойтись. И без очень многих самых разнообразных поэтов, авторов, художников и так далее. Значит, русский характер может быть определен только в многоплановом русле. Понимаете? Тут должна быть какая-то многоплановость. А отвечать единообразно, что чертой русского человека является то-то и то-то, невозможно, это не только антинаучно, но просто бессмысленно. Русский человек очень многообразен и в своем высшем проявлении, и в своих невысших проявлениях.

Ну а в «Заметках о русском» я хотел остановиться на некоторых преимуществах,

хороших чертах, которые сейчас забыты в русском человеке. Это прежде всего доброта. Вот на ней я главным образом и останавливаюсь в этой небольшой брошюре, статье, как угодно можно ее называть.

Записка. Все ли для вас ясно в «Слове о полку Игореве»?

Д. Лихачев. Нет, конечно, не все. Думаю, это даже и хорошо, что не все сейчас ясно, потому что если в художественном произведении, в каком угодно, все абсолютно ясно, то оно утрачивает какой-то элемент своей художественности. Художественное произведение всегда должно быть немножко таинственным – таинственным по своей сути, своей необъяснимостью, гениальностью. И этому помогают в какой-то мере даже утраты. Но это между нами. Я стараюсь, чтобы этих утрат было меньше в «Слове о полку Игореве». Хотел бы очень, чтобы они были объяснены, но вместе с тем какое-то обаяние «Слова о полку Игореве» исчезнет, если все в нем будет абсолютно объяснено, понятно и не будет вызывать никаких сомнений.

Записка. К какому жанру принадлежит «Слово о полку Игореве»?

Д. Лихачев. Я писал в нескольких работах о том, что в XII–XIII веках на Руси в литературе шел процесс жанрообразования, поэтому происходило смешение разных жанров, смешение письменных и фольклорных жанров, что очень характерно для «Слова о полку Игореве».

Оно создано на грани жанров фольклорных и письменных и не принадлежит к одному жанру. Оно принадлежит процессу жанрообразования в русской литературе XII–XIII веков, очень важному процессу.

Записка. Художник должен творить для современности или для вечности? Это вопрос и о писательском труде, и о труде живописца, актера.

Д. Лихачев. Я бы ответил на этот вопрос таким образом: художник должен творить для современности, а следовательно, и для вечности, потому что для вечности необходима и современность, а без вечности нет современности. И если художник правильно, но-настоящему понимает современность, то он тем самым творит и для вечности. Это понятно? Не слишком запутано?

Записка. Что такое талант в литературе и науке? Можно ли развить в себе талант?

Д. Лихачев. Что такое талант, сказать я не могу, но что развить в себе таланты можно – в этом я уверен. Только нужно найти в себе интерес к какой-то определенной области. Каждый человек талантлив, особенно талантливы дети. Ведь возраст, скажем, до шести, до семи лет – это гениальный возраст, когда человек познает мир. Еще Чуковский об этом писал в книжке «От двух до пяти». Развить талант можно, а что такое талант – я не могу сказать.

Записка. Ваше отношение к собирательству книг. Расскажите о вашем круге чтения, к творчеству каких писателей вы возвращаетесь?

Д. Лихачев. Это важный вопрос, действительно. Ну, начну с конца. К творчеству каких писателей я обращаюсь вторично? То есть когда мне хочется читать вторично что-либо? Вы знаете, этим определяется в какой-то мере даже ценность книг для меня. Есть книги, которые я прочел, они мне были нужны в какой-то момент, но второй раз мне их читать не хочется. И есть книги – и это у каждого человека так, – которые человек, особенно в старости, любит перечитывать, которые когда-то на него произвели большое впечатление. Иногда при вторичном чтении он чувствует разочарование, а иногда ему нужно и третий, и четвертый, и пятый, и какой угодно раз читать.

Вот я вам скажу так: «Войну и мир» я перечитываю без конца. Но «Воскресение» того же автора я прочел в школе, и меня не тянет перечитывать почему-то второй раз. Ну не тянет... Так же точно и некоторых современных авторов мне хочется перечитывать... Вот мы снимались по телевидению с Распутиным. Люблю перечитывать его произведения. Тянет перечитывать. И этим определяется, по-видимому, ценность его как писателя. Но не целиком перечитываю.

Я считаю, что книга всегда найдет своего читателя, даже если человек покупает ее и сразу ставит на полку, не читая. А такое и со мной ведь случается: захочется купить какую-то книгу, но прочесть некогда, нет времени. Она у меня лежит, но когда-нибудь она будет прочитана: либо мной, либо моей внучкой, либо тем, к кому попадет. Важно, чтобы хорошие книги собирались. Даже у тех собирателей, которые собирают книги только по переплетам, у них тоже образуется какой-то книжный фонд, книги там сохраняются. И рано или поздно они найдут своего читателя. Если таких собирателей не будет, то книга будет исчезать совершенно. Ее не будет, а она должна храниться. Ведь вы помните, какую роль и для ученых, и для художников, и для писателей, особенно для поэтов, сыграли дедовские библиотеки, случайно найденные на чердаке книги; книги, собранные случайно или специально в какой-нибудь помещичьей библиотеке: русские, французские и другие...

Ведь биографии почти всех писателей и поэтов XIX века хранят в себе такие факты! Поэтому книжные фонды должны существовать в самых разнообразных видах, в самой разнообразной среде. Не нужно обязательно собирать книги только тому, кто ими немедленно пользуется. Вы можете собирать их для детей, для своих потомков, сами даже иногда не зная этого

Записка. Правда ли, что Лев Толстой не ценил «Слово о полку Игореве»?

Д. Лихачев. Правда. Дело заключается, по-моему, в особенностях эстетики Толстого.

Толстой как художник был разоблачителем, он не любил ни пышных фраз, ни пышных людей, ни литературного этикета, и не только литературного этикета – даже церковного. Поэтому он разоблачал церковные, богослужебные обряды. А «Слово о полку Игореве» – произведение очень этикетное, очень рыцарственное, связанное с определенной традицией, – было ему чуждо, как чужд был всякий аристократизм в литературе.

И этим, я думаю, объясняется то, что Лев Толстой не ценил «Слово о полку Игореве». Даже сомневался, как можно думать о его подлинности. Оно его просто не интересовало.

Записка. Самое памятное событие в вашей жизни?

Д. Лихачев. Боюсь, что я его не помню. Это что-нибудь из глубокого детства. Когда я еще не умел говорить, на подоконник сел голубь. Мне казалось, что это невероятное событие. Я побежал к родителям, за рукав их тащил, но объяснить не мог, что я хочу показать, а я хотел показать этого голубя. С тех пор я помню это событие. Голубь сел на подоконник...

Записка. Считаете вы себя стариком или нет?

Д. Лихачев. Считаю стариком, когда мне об этом напоминают, а когда мне не напоминают, я не считаю себя стариком.

Записка. Что побудило вас написать книгу «Письма о добром и прекрасном»?

Д. Лихачев. Такого определенного побуждения не было. Просто когда я был в Болгарии в отпуске, там напечатали несколько моих писем в газете «Антени» на болгарском языке. А потом стали требовать еще и еще. Не давали мне покоя с этими письмами. Потом я их посылал уже из Ленинграда. Тогда их издали отдельной книжкой в Болгарии в приложении к «Антени». После этого уже появилась потребность издать их на русском языке.

И московское детское издательство согласилось. Но что-то очень колебалось их издавать, долго они там лежали, я не знаю сколько лет, прежде чем эта книжка вышла и получила признание.

Записка. Как вы относитесь к молодежи?

Д. Лихачев. Ну конечно, очень хорошо. Очень хорошо. Я имею возможность сравнивать и свое поколение, и последующие поколения. И должен сказать, что современная молодежь отнюдь не хуже, чем молодежь прежних эпох, прежних поколений. Но всегда ведь бывает так, что есть разные представители молодежи.

Но вот что интересно. Задумайтесь, каких людей больше: хороших или плохих? Хороших больше, чем плохих. Но заметнее плохие люди. Поэтому добрые качества молодежи незаметны, а плохие качества всегда очень на виду. Зло ведь агрессивно, а

добро неагрессивно.

Записка. Чем вы объясняете повышенный интерес к древнерусской культуре и в нашей стране, и за рубежом?

Д. Лихачев. Я не считаю, что у нас есть повышенный интерес к древнерусской культуре. Тот интерес, который сейчас проявляется, мне кажется, еще недостаточен. Он вполне нормален.

Записка. Каково место протопопа Аввакума в русской литературе, на ваш взгляд?

Д. Лихачев. Можно говорить не столько о моем взгляде. Аввакум – это поразительный писатель. Жаль только, что в русскую официальную литературу он вошел сравнительно поздно и поздно издан. Но он сумел привлечь к себе внимание всех выдающихся наших писателей прежде всего как мастер русского языка. А историко-литературное значение Аввакума определяется вот чем: литература всегда ведь идет от нелитературы, существует постоянный процесс обновления литературы, ее жанров, ее языка, идущий снизу, от разговорного языка, от деловых жанров, от жанров второго ряда. Это можно заметить и в XVI, и в XV веке. Это можно заметить в творчестве Лескова, который все время обращается к жанрам второго ряда и через это обновляет литературу. Он привлекает язык низших слоев населения, язык разговорный, не принятый в употреблении, привлекает и не принятые точки зрения. Я уже говорил о Льве Толстом, для которого характерны «стыдливость формы» и отвращение к аристократизму и к традиционности.

Снизу всегда идет взрыв. Этим путем литература и движется вперед. И протопоп Аввакум, если бы он был известен не только в старообрядческой среде, он бы стал именно таким стимулятором в нашей литературе, потому что он обратился к живому просторечию, «природному» русскому языку, как он сам его называл, к темам, которые в официальной литературе, и особенно церковной, не могли существовать.

Вопрос из зала. Каких поэтов вы любите? Есть ли у вас любимый поэт?

Д. Лихачев. Видите ли, я люблю очень многих поэтов, и разных. Все зависит от того, в каком настроении я бываю. Мне кажется, любить одного поэта или двух, или трех только, не признавая остальных, – это какая-то душевная узость. Нужно иметь, как мне кажется, широкий диапазон своих поэтических привязанностей.

Я очень люблю Державина, я очень люблю Пастернака, люблю Мандельштама и очень люблю Жуковского. Это совершенно противоположные линии в поэтическом развитии. И все зависит от того, где и в какой обстановке я нахожусь. Если я приезжаю в Павловск, то, конечно, мне приходят на ум прежде всего строки «Славянки» Жуковского. В других случаях – другие поэты. И это ведь касается не только поэзии. Мне кажется, что

у человека должен быть широкий эстетический кругозор.

Для меня непонятна любовь некоторых людей, скажем, только к постимпрессионистам: только постимпрессионисты нравятся, а всю остальную живопись не признают. А я, например, люблю и постимпрессионистов, и передвижников. Только это разные искусства, это надо понимать. Нравственное начало передвижников, их связь с русской литературой, с литературными сюжетами, пробуждение в людях доброты – это одно искусство. А постимпрессионисты с решением чисто живописных задач – это другое искусство. И нужно уметь находить в каждом искусстве свое, не подходить к искусству с каких-то предвзятых позиций. Должна быть эстетическая открытость. Но обязательно должна быть и неоткрытость к антиэстетическим явлениям...

Записка. Чувствовались ли имущественные различия между учениками в школе, в которой вы учились до революции? И в чем они выражались?

Д. Лихачев. Да, различия были очень большие: и имущественные, и сословные, и классовые. Но мне повезло. Я учился в очень хорошей школе – в школе, основанной Карлом Ивановичем Маем, великим гуманистом, педагогом-гуманистом. И там у нас это не было принято. У нас учился и сын швейцара, и внук Мечникова, и сын банкира Митьки Рубинштейна, который давал в долг Николаю Второму.

Учились совершенно различные между собой люди, но отношения между всеми были товарищескими, нормальными, и никто не «задавался». Есть такой школьный термин, очень хороший, – «задаваться». Вот этого не было. Это считалось неприличным. Но очень часто вне школы было невыносимо презрение аристократов к простой публике. Это я очень хорошо помню, это было очень неприятно.

И вы заметьте, что Достоевский очень не любит аристократию. И Толстой не любит аристократию... Сейчас такого неравенства, такого взгляда на других свысока, каким умели некоторые и правоведа, и лицеисты отбрасывать от себя «не свое» общество, сейчас этого нет.

Но боюсь, что в некоторых наших школах начинает развиваться у учащихся какое-то хвастовство своими родителями, поездками в иностранные государства своих родителей, разговорами, что они оттуда привезли, и так далее. Появляется какое-то чувство новой аристократии, это очень плохо. С этим надо бороться решительно, как это было в гимназии Мая. Там учащиеся не имели права подъезжать к гимназии на своих машинах. Сыну Митьки Рубинштейна приходилось оставлять свою машину по крайней мере за два квартала до нашей школы.

Вопрос из зала. Что самое опасное, по вашему мнению, в человеке умственного труда и в администраторе?

Д. Лихачев. Я когда-то увлекался, когда был молодым, психиатрией, старой психиатрией. Я должен сказать, что и сейчас это мне очень помогает в жизни: определять типы людей и многое другое.

Очень опасна в людях – в научных работниках и в администраторах – «лобная психика». «Лобная психика»... Не знаю, употребляется ли сейчас этот термин в психиатрии. Суть его в том, что человек не отказывается от своего мнения: упирается на раз высказанном и ни за что не хочет отказаться от своего мнения. Даже тогда, когда это объясняется, допустим, не вопросами престижа своего учреждения или собственного престижа, а просто так... «Лобная психика» очень вредна в администраторе и в научном работнике.

Записка. Не наблюдаете ли вы противоречий между степенью интеллигентности и жизненной активности человека?

Д. Лихачев. То есть как противоречие? Чем больше интеллигентность, тем больше, по-моему, степень жизненной активности. Вопрос в том, что называть жизненной активностью?

Противоречия нет. А малая интеллигентность, она просто даже укорачивает человеческую жизнь.

Записка. В чем смысл жизни?

Д. Лихачев. Вы понимаете, это вопрос, которым задавались не только сотни и тысячи философов, но просто миллионы людей. В конце концов задается этим вопросом каждый человек.

Смысл жизни должен быть большой, это прежде всего. Жизнь – это драгоценнейший дар, он дается не зря: не для мелочей, не для собирания мебели и устройства своей квартиры, не для покупки машин. Он дается для какой-то огромной, великой цели. Вы подумайте: природа создавала человека миллионы лет. И человек обязан отблагодарить природу за это и своей творческой работой продолжить эту созидательную деятельность. Она может быть продолжена в маленьких областях и в больших областях, в очень престижных и в не очень престижных. Но нужно продолжать накапливать в жизни добро, накапливать все то, что способствует созиданию. И тогда человек будет счастлив, тогда он будет сознавать, что он живет не зря.

Это, конечно, очень сложный вопрос. И каждому из вас следует подумать, что наиболее ценного он может привнести в жизнь: что сделать для семьи, для общества, для товарищей своих и так далее.

Записка. Может ли литература перевернуть мир?

Д. Лихачев. Может. Может. Уверен в этом. Потому что другую точку, на которую

можно опереться, трудно найти. Именно литература, идейная литература, литература учащая, литература, стоящая на широких и прочных общественных позициях...

Источник: Об интеллигенции. СПб.. 1997. С. 29-69.